

МУРАВИЦКАЯ М. П.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО В СЛОВЕ

В теории грамматики следует особо выделить две проблемы, связанные с анализом взаимодействия лексического и грамматического в слове. Первая заключается в разграничении единиц лексического и грамматического уровней языка: различных слов и грамматических форм одного слова. Вторая — в построении иерархии грамматических категорий, воплощенных в значениях грамматических форм слов различных классов. От результатов исследования этих проблем зависит решение практических задач, например, объединение словоформ в парадигму, установление отношений между типами парадигм; разработка лингвистических основ автоматизированного анализа текста.

Важным условием определения языковых форм как грамматических форм одного слова, точнее — одного лексико-семантического варианта слова, служит лексико-семантическое тождество этих форм [1, 2]. Так, падежные словоформы существительного *весна* — *весны, весне, весну, весной* и т. п. — имеют одно и то же лексическое значение, но различные грамматические (падежные) значения. Словоформы существительных *весной, травой, землей, мечтой*, напротив, имеют различные лексические значения, но одно и то же грамматическое, а именно значение творительного падежа.

В связи с тем, что различные грамматические формы, например, падежные и числовые, по-разному отражают результаты взаимодействия лексического и грамматического в слове, необходимо количественно определить и проанализировать степень лексико-семантического тождества грамматических форм одного слова. Достаточно высокая степень лексико-семантического тождества ряда форм служит основанием для объединения их в грамматическую парадигму одного слова. Предположение о возможности такого объединения обычно основывается на индивидуальной интуиции, которая, хотя и соединяет в себе чувство языка и его знание, все же является ненадежным методом анализа лингвистических единиц. Поэтому она должна быть объективизирована. Одним из средств уточнения индивидуальной интуиции исследователя служит коллективная интуиция носителей языка, устанавливаемая в психолингвистическом эксперименте. Эксперимент помогает выяснить, «обладают ли те единицы, которыми оперирует языкознание, психологической значимостью и психологической реальностью» [3]. Так, исследователь может предположить, что падежные формы *перо, пера, перу, пером...*, *перья, перьев, перьям, перьями...* (птицы) и др. имеют высокую степень лексико-семантического тождества и поэтому их можно рассматривать в качестве грамматических форм одного лексико-семантического варианта слова. Точно так же омографичные падежные формы *перо* (талант), *пера, перу, пером* и др. — *singularia tantum* — имеют высокую степень лексико-семантического тождества и являются грамматическими формами иного лексико-семантического варианта этого слова. Учитывая различное влияние взаимодействия лексического и грамматического на различные грамматические формы слов (в частности, падежные и числовые) и наличие *singularia tantum*, которые являются результатом этого влияния, следует высказать предположение, что числовые формы одного и того же лексико-семантического варианта обладают меньшей степенью лексико-семантического тождества, чем падеж-

ные. Вместе с тем это тождество проявляется в достаточной степени, чтобы считать указанные формы — *перо* (птицы) и *перья* (птицы) — грамматическими формами одного лексико-семантического варианта. Иными словами, различия в грамматических значениях числовых форм связаны с большими лексическими различиями, чем различия в грамматических значениях падежных форм. В связи с этим можно предположить, что степень лексического тождества падежных форм (*дерево, дерева, дереву, деревом*) выше, чем числовых (*дерево — деревья*).

Степень лексико-семантического тождества различных грамматических форм устанавливается на основе ее количественных оценок информантами — носителями языка. В процессе психолингвистического эксперимента степень лексико-семантического тождества различных грамматических форм, по-разному отражающих взаимодействие лексического и грамматического, дает основания для построения иерархии грамматических категорий, реализуемых формами слов того или иного класса. Таким образом, проблема разграничения различных слов и форм одного слова (одного лексико-семантического варианта слова) и проблема построения иерархии грамматических категорий (как результата взаимодействия лексического и грамматического в слове) взаимосвязаны. Действительно, если при взаимодействии лексики и грамматики абсолютного лексико-семантического тождества грамматических форм одного слова (одного лексико-семантического варианта слова) не существует и для различных грамматических форм степень этого тождества различна, то какие грамматические формы находятся на грани грамматического и лексического?

Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно проверить в психолингвистическом эксперименте гипотезу, согласно которой различные грамматические формы одного слова (одного лексико-семантического варианта слова) обладают различной степенью тождества лексических значений. Различия в степени обусловлены уровнем абстракции грамматического от лексического и результатами взаимодействия грамматического с лексическим в различных категориях, реализуемых грамматическими формами слов. Проверка гипотезы необходима для построения иерархии грамматических категорий. В частности, такая иерархия может строиться по принципу уменьшения числа, выражающего степень лексического тождества грамматических форм, которые реализуют значения этих категорий. Именно на основе подобной иерархии разрабатываются психолингвистические и языковые, структурные критерии определения переходных случаев между грамматическими формами одного слова и разными словами, а также границы и состав словоизменительных парадигм.

Рассмотрим результаты двух психолингвистических экспериментов на материале грамматических глагольных категорий лица и числа, времени, вида украинского и русского языков в условиях двуязычия. Информанты — сотрудники Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР и студенты старших курсов филологического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (по 50 информантов в каждом эксперименте). Эксперименты проводились в несколько этапов с 1975 по 1978 гг. Носителям языка предлагалось оценить степень лексического тождества глагольных форм в 200 парах контекстов (в каждом эксперименте) по 11-балльной шкале оценок от 0 до 10 баллов включительно [4] и по принципу «чем выше степень лексического тождества сопоставляемых глагольных форм, тем выше балл». Полное лексическое тождество — 10 баллов, полная лексическая нетождественность — 0 баллов.

Достаточное для достоверных выводов (относительная ошибка не превышает 7%, т. е. точность исследования составляет 93%) количество информантов — 50 человек — было установлено эмпирически в процессе эксперимента. При этом учитывались значение средней оценки информантами степени лексико-семантического тождества сопоставляемых в контекстах глаголов и мера ее колебания [5, 6].

Каждый эксперимент был разбит на 10 серий. В каждой серии информанту предлагалось по 20 пар контекстов, в которых чередовались противопоставления глаголов по значениям различных грамматических категорий. Всего в одном эксперименте глагольные формы, противопоставляемые по значениям категории лица и числа, оценивались каждым из 50 информантов в 30 парах контекстов, темпоральные формы — в 50 парах, видовые, связанные отношением имперфективации и перфективации, соответственно в 55 и 65 парах контекстов. Достаточный объем материала также был установлен эмпирически в результате анализа средней оценки степени лексико-семантического тождества глаголов, противопоставленных по значениям грамматических категорий либо числа и лица, либо времени, либо вида.

Контексты предлагались носителям языка в письменном виде. В результате экспериментов был подсчитан средний балл для каждой пары контекстов. Информанты оценивали степень тождества глагольных форм в двух видах контекстов: в минимальных и расширенных. В минимальных (созданных экспериментатором) контекстах глагольные формы противопоставлялись по значениям категорий (далее — по категориям) либо лица и числа, либо времени, либо вида. В расширенных (связных) контекстах (они были представлены отрывками из рассказов К. Паустовского и романа О. Гончара «Тронка») противопоставление глагольных форм по одной из категорий может сопровождаться противопоставлением по другим категориям.

Эксперименты показали, что самой высокой степенью лексического тождества — от 9 до 10 баллов — характеризуются формы, противопоставленные по категориям лица и числа одновременно, т. е. лично-числовые формы глагола (далее — личные формы). При этом лексическое тождество личных форм в минимальных контекстах оценивается в среднем несколько ниже, чем в расширенных, соответственно 9,5 и 9,8 балла. Возможно, такому соотношению оценок благоприятствует уточнение лексических значений в связанном тексте. Минимальные тексты воспринимаются носителями языка скорее как иллюстрации к словоизменительным парадигмам. Они менее определенно, более расплывчато изображают ситуацию и вызывают большую произвольность лексических ассоциаций. Сравним, как оценивают информанты лексическое тождество личных форм в минимальных контекстах: *Он пишет письмо* — *Я пишу письмо* (9,6 балла); *Мы пишем письмо* — *Ты пишешь письмо* (9,4) и в связных текстах: «Люди мечтают о длинном лете. А я мечтаю о длинной осени — такой вот теплой, туманной» (9,6); «Да будет благословенно все, что окружает тебя, что прикасается к тебе и к чему прикасаешься ты, что радует тебя и заставляет задуматься» (9,8). «Ліночко, додому! — Я ще не йду... ми йдемо зустрічати схід сонця!» (9,5); «З ферми дівчата йдуть. — Гарно співують. Ти питала, чи правда, що ми співємо в польоті...» (9,7). Колебания в оценках информантами степени лексического тождества личных форм глагола можно объяснить влиянием контекстуальных отличий.

Контрольный текст с различными лексико-семантическими вариантами одного глагола (прямыми и переносными его значениями) резко уменьшает оценку степени лексического тождества личных форм: «Коли рожа розквітне, а сонце наллє їй, і пелюстки світяться наскрізь, і вся вона аж світиться красою...» (6,5 балла). Снижение оценки говорит о том, что последовательное использование степени лексического тождества словоформ как критерия объединения их в грамматическую парадигму вызывает необходимость объединять в парадигму не формы одного глагола, а формы одного и того же лексико-семантического варианта глагола [2]. В то же время, поскольку различные лексико-семантические варианты одного глагола имеют тождественные по составу ряды спрягаемых форм, нет необходимости рассматривать спряжение этих вариантов как различных слов. Это касается и тех глаголов, лексико-семантические варианты которых закреплены за определенными синтаксическими формами текста. Так, укр. *віяти* (о ветре) в отличие от *віяти*

(зерно) употребляется преимущественно в 3-м л., но возможен поэтический или сказочный текст, в котором используются как средства персонализации и другие личные формы этого лексико-семантического варианта. Итак, для глагольной парадигмы характерна полнота и высокая степень лексического тождества личных форм.

Степень лексического тождества глагольных грамматических форм, противопоставленных по категории времени (далее — временных форм), оценивается информантами на балл ниже, чем личных форм: от 8 до 9 баллов. При этом средняя оценка темпоральных форм (как и личных) в минимальных текстах типа *Я пишу письмо — Я писал письмо* ниже, чем в расширенных (соответственно 8,5 и 8,9 балла): «Ох, как же я вернусь в дом, прямо не знаю. — Ничего, пойдемте! — Мы вернулись в дом» (8,7); «Я раздал каждому из них по золоченому крючку, но с тем, что они уйдут и не будут мешать мне удить. Мальчишки взяли крючки, поблагодарили шепотом и честно ушли» (8,9); «І в один з його приїздів зійшла між ними та зірка, яка ще й досі світить і певне світитиме Лукії до кінця життя» (8,9); «О, це питання складне, над ним я саме роздумую в ці дні. Роздумував ніч, цілісний ранок і цьому ж присвячу кілька найближчих років» (8,9).

Итак, для носителей языка различные грамматические глагольные формы имеют различную степень лексического тождества. Временные формы в большей степени связаны с лексико-семантическими различиями, чем личные. Проявлением этой связи служит регулярное — именно в силу семантических причин — отсутствие форм настоящего времени у глаголов совершенного вида.

Степень лексического тождества глаголов, связанных отношением имперфективации, оценивается информантами в минимальных контекстах на два балла ниже степени лексического тождества личных форм и на балл ниже степени лексического тождества временных форм глагола: от 7 до 8 баллов. Средняя оценка степени лексического тождества глаголов, связанных отношением имперфективации, в расширенных текстах выше, чем в минимальных, соответственно 8,3 и 7,3 балла. Возможно, на это различие в оценках влияет связь видовых значений с темпоральными, характерная почти для всех анализируемых беллетристических текстов: «У меня есть старая мамина кукла, — ответила девочка. — Когда-то она закрывала глаза. Вот так! — Девочка медленно закрыла глаза» (8,6); «Вошла Аннушка в зал с Семеном, и встретили их! Уж неведомо, кого так встречаю» (8,2); «В кожного з людей, певне, своя біла королева гілка, раніш чи пізніш, а кожен знаходить її, ось і він теж її знайшов» (8,4); «Hi Віталій, ні Тоня не пригадують, щоб у ці води заходили судна такого типу, здається, не було цього раніш. А ось він заїшов. І став як загадка, як сфінкс їхнього далекого миготливого моря» (8,2). Поэтому для оценки степени лексического тождества глагольных форм, связанных отношением имперфективации, были использованы минимальные контексты, в которых глагольные формы прошедшего времени противопоставлялись только по грамматической категории вида. Психолингвистический эксперимент показал, что большей степенью лексического тождества характеризуются те пары глагольных форм, в которых глагол несовершенного вида образуется при помощи суффикса: *Он забыла нем — Он забывал нем* (7,9 балла). Меньшая степень лексического тождества свойственна формам с чередованием: *Он убадил ее — Он убеждал ее* (7,0); еще меньшая — супплетивным формам: *Он казала об этом — Он говорил об этом* (6,4). Эти данные хорошо согласуются с исследовательской интуицией.

В аспектологии критерий лексического тождества грамматических форм одного слова наиболее последовательно используется в теории С. Карцевского [7] и в современных работах, развивающих его идеи [8, 9]. В соответствии с этим критерием грамматические глагольные формы совершенного и несовершенного вида, связанные отношением имперфективации (*переписать — переписывать; сказать — говорить; определять — определять*), в принципе не отличаются от других грамматических,

в частности, словоизменительных временных форм (*читал, читаю*): «Глагол изменяется (спрягается) по видам в принципе так же, как он изменяется (спрягается) по временам, наклонениям, лицам и числам» [10]. В иерархии категорий, определяемой количественными различиями в степени лексического тождества грамматических форм, видовые формы, связанные отношением имперфективации, характеризуются меньшей степенью лексического тождества, чем темпоральные. Это различие — результат лексико-семантических ограничений на грамматическую категорию вида, проявляющихся в *imperfectiva* и *perfectiva tantum*. В то же время видовые глагольные грамматические формы (*начать — начинать* и т. п.) в системе словоизменения выступают как два слова, каждое из которых характеризуется своеобразными рядами парадигматических форм (*начал, начну — начинал, начинаю*). Можно было бы рассматривать парадигмы спряжения двух видовых форм не как отдельные парадигмы, а как две части одной. Тогда принцип организации глагольной парадигмы напоминал бы принцип парадигмы прилагательного, где изменение по родам является грамматическим изменением. Но в парадигме прилагательного каждая из родо-числовых форм (*белый, белое, белая, белые*) имеет общую падежную схему, поскольку семантические ограничения здесь не действуют, а временные схемы глаголов совершенного и несовершенного вида различны именно в силу семантических причин: глаголы совершенного вида в отличие от глаголов несовершенного вида не имеют форм настоящего времени. Поэтому объединение парадигм спряжения двух видовых грамматических форм глагола, связанных отношением имперфективации, в одну парадигму нецелесообразно. К тому же одна и та же видовая форма может быть одновременно и грамматической формой (в паре форм, связанных отношением имперфективации: *узнать — узнавать*), и словом (в паре глаголов, связанных словообразовательным, т. е. не грамматическим, отношением перфективации: *знать — узнать*). Словоизменение (спряжение) глаголов такого типа характеризуется асимметрией. Различные слова (*знать и узнать*) принадлежат к одному и тому же классу спряжения, а видовые грамматические формы одного слова (*узнать — узнавать*) — к различным, что обусловлено различными морфемными средствами слово- и формообразования глаголов соответственно при перфективации (префиксация) и имперфективации (преимущественно суффиксация).

Критерий степени тождества лексических значений грамматических форм как основа принадлежности их к одному слову (лексико-семантическому варианту слова) накладывает определенные ограничения на объединение глаголов в грамматическую видовую пару. В грамматической видовой корреляции находятся не глагол совершенного вида и производный имперфективированный, а их лексико-семантические варианты. Так, укр. *виграти*¹ (*вигравати*) образуют грамматическую видовую пару лишь в значении «добиться (добиваться) победы, превосходства», а в значениях «играть на инструменте», а также «искриться», «энергично двигаться», «быть в волнении» глагол *вигравати* принадлежит к *imperfectiva tantum*. Поэтому последовательное применение семантического критерия объединения грамматических форм в парадигму требует, чтобы различные лексико-семантические варианты одного глагола такого типа спрягались как два глагола. Но в этом нет необходимости, потому что лексико-семантические варианты многозначного глагола имеют тождественные ряды спрягаемых форм в отличие от склонения лексико-семантических вариантов многозначных существительных типа *перо*.

Глаголы, связанные отношением перфективации, в минимальных контекстах имеют широкий диапазон оценок: в основном от 0 до 7 баллов. Высшая оценка информантами степени лексического тождества глаголов свойственна минимальному контексту типа *Он мог это сделать* — *Он с м о г это сделать* (7,2); но *мог — перевозмог* (2,0), *мог — помог* (1,4). Самую низкую оценку имеет пара: *Он был у него* — *Он з а б ы л о нем* (0,2); ср.: *был — прибыл* (2,6); *был — выбыл* (2,9); но в имперфективированной паре: *забыл — забывал* (7,7 балла).

В беллетристических текстах видовые отличия глаголов, находящихся в отношении перфективации, связаны с различиями в спрягаемых формах. Средняя оценка степени лексического тождества глаголов, находящихся в отношении перфективации, в связанных текстах равна 7,5 балла: «Дагнишла по пустынным улицам — Дагни вышла к морю» (7,5); «Все время — и в поезде и здесь в деревне — он думал о сюжете своей новой повести. Но сюжет расползался, уплывал, и Сергеев за несколько дней так ничего и не придумал» (7,4); «Колодязь оцей — моя світлиця. То мое життя на цій планеті! Хай інший живе інакше, а я так його проживу» (7,8); «Що ти, мамо! Мотоцикл на тебе винайдено, щоб на ньому їздити, мчати, летіти, давати найвищу швидкість... Це ж просто здорово: кермо та два колеса, а само їде, не їде — летить! Уявляєш, якби на такому та влетів куди-небудь... Скажімо, між шатри стародавніх скіфів, між їхні кибитки на дерев'яних колесах! Царі й коні, тарпани й гепарди — все перед тобою врозтіч!» (7,3).

Минимальные тексты дают возможность проследить различные оценки степени лексического тождества различного типа перфективированных глаголов с исходными глаголами без влияния факторов расширенного текста. При этом относительно высокую оценку для глагольных пар, связанных отношением перфективации, имеет пара *Он думал о ней — Он подумал о ней* (7,1 балла), но *Он думал над этим вариантом — Он продумал этот вариант* (6,3), а в паре *Он думал анал писать — Он передумал писать письмо* оценка степени лексического тождества глаголов низкая — 3,0 балла. Ср. также: *Она видела его — Она увидела его* (6,8); *Он видел результаты — Он предвидел результаты* (2,3); *Он кричал — Он закричал* (6,4); *Он кричал на него — Он накричал на него* (6,2); *Он кричал громко — Он перекричал его* (4,0); *Он бежал быстро — Он побегал быстро* (5,2); *Он бежал — Он пробежал* (4,6); *Он бежал — Он подбежал* (3,9); *Он бежал — Он перебежал* (3,8).

Итак, средняя (от 6,5 до 7 баллов), ниже средней (от 4,5 до 6,5 балла) и низкая (меньше 4,5 балла) степень лексического тождества не позволяет относить подавляющее большинство глаголов, связанных отношением перфективации (*читать рукопись — перечитать рукопись, читать рукопись — вычитать рукопись, читать рукопись — дочитать рукопись* и т. п.), к грамматическим видовым формам одного слова в отличие от глаголов, связанных отношением имперфективации (*перечитать — перечитывать, вычитать — вычитывать, дочитать — дочитывать*). Это касается и глаголов с так называемыми чистовидовыми, или аспектиализированными [11] приставками (*расти — вырасти, стареть — устареть, петь — спеть, играть — сыграть, звонить — позвонить, читать — прочитать, делить — разделить*). Префиксы меняют лексическое значение глагола и поэтому не могут считаться формообразующими средствами. Отсутствие аспектных формообразовательных коррелятов у значительной части глаголов типа *быть, мочь, знать, идти, хотеть, работать, видеть, думать, смотреть, стоять, делать, жить* и др. (imperfectiva tantum), *пойти, увидеть, подумать, посмотреть, сделать, написать, поехать, поставить* и т. п. (perfectiva tantum) последовательно объясняется сторонниками теории С. О. Карцевского и Ю. С. Маслова отсутствием тождества лексических значений в соотношениях типа *мочь — превозмочь, видеть — предвидеть, делать — переделывать* и т. п.

В результате перфективации образуются глаголы с различной степенью лексической нетождественности с исходными глаголами несовершенного вида. А о лексической тождественности (несколько выше средней степени) следует говорить лишь в одном из проанализированных случаев: *мог — смог* (7,2 балла) и, возможно, в парах *думал — подумал* (7,1), *слышал — услышал* (7,0), *видел — увидел* (6,8). Это и есть случаи, которые находятся как бы на границе между лексическим и грамматическим (лексический нетождественными и тождественными явлениями): «Значение приставок этих глаголов, как правило, обобщено до такой степени, что глагол оказы-

вается на пути (разрядка наша. — М. М.) к тому, чтобы стать простой грамматической параллелью совершенного вида к соответствующему исходному глаголу» [7, с. 228].

Итак, в интуиции носителей языка «дистанции огромного размера» между грамматическим и лексическим не существует. Выявленные в психолингвистическом эксперименте различия в количественных оценках степени лексической тождественности грамматических форм и степени лексической нетождественности слов являются результатом взаимодействия в слове грамматического и лексического. Поскольку абсолютной лексической тождественности форм не существует, то исследователю необходимо, учитывая данные психолингвистического эксперимента, установить условную границу, за которой относительная лексическая тождественность переходит в относительную лексическую нетождественность. Иными словами, следует определить, где кончается грамматика и начинается лексика, т. е. где анализируемые языковые единицы являются не грамматическими формами одного слова (одного лексико-семантического варианта слова), а разными словами. Это сложная проблема. Между относительной лексической тождественностью лингвистических единиц и их относительной нетождественностью — между формами одного слова и различными словами — существуют переходные явления. Как отметил Л. В. Щерба: «...следует помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих (разрядка наша. — М. М.) — оказываются колеблющимися, неопределенными» [12]. Исследователь, сознательно схематизируя и по необходимости классифицируя, прерывает непрерывное.

Поэтому, учитывая различия морфемной структуры глаголов, связанных отношением перфективации и имперфективации, а также психолингвистические оценки их лексико-семантического тождества с исходными глаголами, можно провести лишь условную, относительную границу между грамматическим и лексическим. Точка 7,0 балла экспериментальной шкалы оценок от 0 до 10 баллов может служить такой границей, т. к. ниже этого балла расположено подавляющее большинство глаголов, связанных отношением перфективации, т. е. различных слов. На границе расположены переходные случаи от лексического к грамматическому.

Впрочем, грамматическими можно было бы считать лишь формы, которые имеют высшую степень лексического тождества, т. е. только личные формы глагола. Если бы такое условие было принято, то значительно снизилась бы ценность грамматической теории, которая исходит из взаимодействия лексического и грамматического и возможности построения на основе оценок результатов этого взаимодействия иерархии грамматических категорий. Тем более, что с точки зрения информантов резкой границы между грамматикой и лексикой не существует, в результате чего ее можно провести лишь условно, учитывая и психолингвистические и структурные данные — аффиксальное построение глаголов.

Точка шкалы 7,0 балла — наиболее «напряженная», драматичная точка данного эксперимента, т. к. этим баллом оценивается и часть глаголов, связанных грамматическим (формообразовательным) отношением имперфективации, и часть глаголов, связанных словообразовательным отношением перфективации.

Итак, грамматические формы глагола находятся в определенной иерархии, отраженной в различной степени лексической тождественности, установленной в психолингвистическом эксперименте. Высшую степень лексической тождественности имеют личные формы: укр. *бачу* — *бачиш*, *бачите* — *бачить*; несколько ниже эта степень у временных форм *бачу* — *бачив* — *бачитиму*; еще ниже — у видовых, связанных отношением имперфективации: *передбачив* — *передбачав*. Перфективированные глаголы характеризуются различной, выраженной количественно степенью лексической нетождественности, которая возникла в результате взаимодействия значений приставок со значениями различных исходных глаголь-

ных основ, ср.: укр. *бачив* — *побачив* (6,9); *бачив* — *передбачив* (2,6); *бачив* — *пробачив* (1,1).

Таким образом, психолингвистический эксперимент подтверждает гипотезу об отсутствии резкой границы между лексическим и грамматическим в слове. Он помогает выработать объективные количественные критерии, которые с учетом качественных свойств языкового материала раскрывают отличия в степени лексико-семантического тождества лингвистических форм, воплощающих различные категории. На этой основе строится иерархия грамматических форм в соотношении с лексическими единицами, в том числе находящимися в процессе грамматикализации. Отличия в степени лексико-семантического тождества лингвистических единиц являются следствием взаимодействия грамматической и лексической систем языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове.— В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
2. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»).— Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. IV. М., 1954.
3. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 60.
4. Клименко А. П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970.
5. Урбах В. Ю. Биометрические методы. М., 1964, с. 25—40.
6. Статичні параметри стилів. Київ, 1967, с. 31—34.
7. Карцевский С. Система русского глагола.— В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
8. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида, М., 1958.
9. Русанівський В. М. Структура українського дієслова. Київ, 1971.
10. Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском языке. М.— Л., 1963, с. 3.
11. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976, с. 154.
12. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958, с. 35.